

Балтийский сезон в Париже начался несколько необычно: Литовский Молодежный театр показал в театре Рено-Барро («Рон-Пун») «Дядя Ваня» Чехова и пьесу московского драматурга Вадима Коросылёва о грузинском художнике Лиросмани.

Эти два спектакля составили когда-то легендару Некрошюса, окружив его имя талантливым ореолом, который в России обычно приписывается таланту «Дядя Ваня» в театре им. Маяковского осенью 1989 года сморкнуса на едином дыхании и остался в памяти неким загадочным ритуальным действом: остался как-то особым, кодачий изгиб спины и чувственная пластика Елены Андреевны — Далии Зилувиене, осталась красота мизансцен и странный профессор Сербяков, больше похожий на персонаж экспрессионистского кошмара, чем на русского бардина интеллигента. И еще — замкнутая линия поднимающих слуг, несомненных будущих хозяев жизни.

«Дядя Ваня», показанный в Париже, ничего почти не утратил за прошедшие годы, о чем читатель «РМ» уже мог судить по статье А. Влостова (хочется только не согласиться с автором, когда он упоминает о «крайне резкой и временами оскорбительной критике спектакля», имевшей место в советской традиции. Во всяком случае, в московской театральной среде, в том числе среди критиков. Некрошюс и его «нетрадиционный трагедия» Чехова воспринимались как событие в театральной жизни 80-х годов.

О спектакле «Лиросмани, Лиросмани...» писатель сегодня почти невозможно да и не стоит, наверное, писать рецензию на спектакль поэта, десятилетней давности.

Но и сейчас сквозь завесающие пыльные паузы еще проскальзывает в «Лиросмани» бледное очарование режиссера Немайслювэтиу, в общепитом, и абсурдно реалистическую пьесу Коросылёва Некрошюс превратил в сюжет о жизни художника, сочиненную в стилистике С. Беккета. Вселенная полная страданий, тревожащих звуков (вроде соло на бубне), продолжает жить какой-то своей, независимой от сюжета пьесы жизнью, выстраивая в сущности подлинный сюжет «Лиросмани»: о страданиях как форме существования гения, где бы он ни жил. И как везде, во все времена страдание и одиночество художника продолжалось творчеством, становилось красотой и любовью, воплотившихся для Лиросмани в образе Маргариты.

Эймундасу Некрошюсу 40 лет, он родился в литовской деревне Ложкирай, закончил в 1978 году московский театральный институт (ГИТИС). Первый спектакль, «Вкус меда», поставил в Вильнюсском молодежном театре в 1976 году, еще студентом, туда же вернулся в 1979 году режиссером. Сегодня Некрошюс возглавляет этот театр. Впрочем, платил этот совершенно не соответствует самому Некрошюсу, человеку, в общем-то, очень застенчивому.

В театре Рено-Барро меня заданье предупредили, что режиссер Вильнюсского театра интервью давать не любит. Однако, услышав, что я от «Русской мысли», он согласился на интервью. Некрошюс — человек по-северному замкнутый, так что разговорить его в самом деле оказалось нелегко.

— Эймундас, почему вы, первый театр Балтийского сезона, привезли только русские пьесы?

— А что здесь плохого? Я об этом даже и не подумал.

— В репертуаре вашего театра «Игроки» Гоголя, его же «Нос», Айтматов, чеховская «Чайка», ваша собственная пьеса «Квадрат», вы работаете над «Кармен» Мериме. Складывается впечатление, что вы совсем не ставите литовских авторов. В вас что — совсем нет национального подъяема, связанного с «освобождением от русских»?

— (Улыбается) Есть, конечно, но он для меня не связан с искусством. Вообще, мне кажется, что художник чем дальше от политики, тем для него лучше.

Эймундас Некрошюс — несколько штрихов к портрету режиссера

— И вам еще удается так жить сегодня?

— Нет, конечно. Хочешь, не хочешь, а политика тебя в свой водоворот вовлекает. Раньше мне казалось, что я смогу все-гда жить как-то отдельно от нее, а сейчас оказывается — нельзя без политики, и от этого мне кажется, что все искусство как бы застыло.

— Павел Лунгин, постановщик «Луна-парка», в интервью «РМ» сказал, что, по его мнению, в России сейчас вообще нет культуры.

— И у нас, по-моему, то же самое. Абсолютное безвременье.

— Для вас лично что-то изменилось после провозглашения независимости?

— Нет, ничего не изменилось...

— То есть вы продолжаете жить в своем мире, никак не связанном с реальностью?

— Для меня любая политика — плохая. Даже если политика хорошая, мне все равно будет плохо. Превняя власть была — плохо, и сейчас — тоже плохо.

— Ходят ли еще на ваши спектакли в Вильнюсе?

— Зрители, конечно, еще есть, но их гораздо меньше, чем раньше.

— Когда вы выезжали в Москву несколько лет тому назад, на ваш театр невозможно было достать билеты.

— Тогда и у нас так было, а сейчас люди боятся поздно выходить на улицу, поздно возвращаться домой. Да и в Москве сейчас, насколько я знаю, все так же обстоит.

— Вы верите, что в Литве что-то еще изменится к лучшему для нашего поколения?

— Наверное, конечно. Мы все-таки поколение поколение и в Вильнюсе, и в Москве.

— Кажется, что в «Дядя Ване» вы — приверженец системы Станиславского. А ваш «Лиросмани» — наоборот, принудляет к традиции театра абсурда.

— Я не следую в своей работе никакому методу. Просто каждый спектакль работает по-новому. Мне кажется, каждый режиссер ставит по-своему, вот и все. Можно научиться играть прекрасно и ставить прекрасно за две недели без всякого метода или не научиться никогда.

— Дала ли вам что-нибудь школа ГИТИСа?

— Нет, как школа ГИТИСа мне ничего не дала, кроме права на постановку. — Раньше ведь без диплома ставить нельзя было. Когда я поступил в ГИТИС, наш курс набирал Гончаров, и я попал к нему, случайно.

— Да, учеником Андрея Александровича Гончарова вас не называли.

— И так было с самого начала, никакой ни духовной, ни человеческой связи между нами не было.

— У вас остались какие-то связи с русским театром, с ГИТИСом?

— С ГИТИСом — нет, а в Москву я в этом году, в октябре, приглашен на чеховский фестиваль, но, к сожалению, спектакль выпустить не успеваю.

— Почему именно «Кармен»? Вопреки всеобщей политике?

— Можно, я об этом говорить не буду? Вообще не спрашивайте меня о будущих постановках — я все равно не знаю заранее. Просто они приходят ко мне в одно прекрасное утро...

— Вы в Париже в первый раз?

— Да, очень красивый город.

— Вы хотели бы здесь жить. У вас есть предложения работы?

— Нет, слишком большой город для меня, как Москва. Можно забегаться. Постановки мне предлагают, но я пока откликаюсь: иностранные языки (кроме русского) я никаких не знаю. Да и вообще человек я некоммуникабельный.

— Вы свой театр относите к какой культуре — литовской? Или это театр Эймундаса Некрошюса, и всё?

— Это вам решать.

— Вы заметили, что в зале много русских? На спектакли приезжают чуть как на часть русской культуры. Как вы к этому относитесь?

— Это мне очень приятно.

— Вы не хотите что-нибудь сказать для читателей «Русской мысли»?

— Я, когда студентом был, мы все подпольно читали. Каждый номер «Русской мысли» был для нас, ну, как поток хорошего вина. Пусть остается всегда такой же.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж